

Доцент Н. А. ЗАБОЛОТСКИЙ (Ленинград)

БОГОСЛОВСКОЕ И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВСЕЛЕНСКИХ И ПОМЕСТНЫХ СОБОРОВ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ*

Вопрос о Поместных и Вселенских Соборах Древней Церкви часто и много обсуждался с разных сторон. Тем не менее актуальность проблем, связанных с соборной деятельностью, выдвигает необходимость вновь и вновь ставить его с тем, чтобы выявить какой-нибудь новый нюанс, способный принести пользу в современных стремлениях к единству христианского мира.

Для нас теперь важно подтвердить и неуклонно держаться той начала принадлежащей христианству истины, которая свидетельствует, что спасение, принесенное Христом роду человеческому, совершается в Церкви. Вместе с тем нельзя забывать многие евангельские и апостольские тексты, удостоверяющие общественный или, иначе, соборный характер этого образованного Христом и распространенного апостолами с помощью Духа Святого учреждения. Иными словами, экклезиологическая проблема, столь актуальная ныне в связи с экуменическим движением, выдвигается на первое место и в размышлении о деятельности Вселенских и Поместных Соборов. Церковь представляется фоном таковой деятельности и вместе является действующим реальным участником ее. В ней заключается одно из существенных условий, обеспечивающих спасение, и она сама является совершителем этого Божественного акта. Из этого следует, что экклезиология имеет в виду эсхатологию. Но то и другое не может мыслиться без богословия. Темы экклезиологии, эсхатологии и теологии оказываются тесно между собою связанными. Эту тесную связь легко можно обнаружить в соборной деятельности древнего периода церковной истории.

Перед отцами Древней Церкви лежала большая и сложная задача. Они получили в наследие от апостолов истину, которую надлежало не только сохранить, но и сделать общедоступной. Они восприняли высший, апостольский, истинный гносис в силе веры, подкрепленной авторитетным свидетельством очевидцев и служителей Слова, утверждаемой на их глазах новым свидетельством исповедничества и мученичества. Но этот истинный гносис им нужно было сделать достоянием всех, к кому обращалось слово спасения. Вера апостольская хранилась в их сердцах. Эту веру требовалось богословски обосновать, особенно для тех, кто пытливым умом надеялся проникнуть в тайны Божественного Откровения.

Священное Писание решительным образом затронуло четыре вечные проблемы, именно: Божества в Его сущности и проявлениях; отношения Бога к миру и человеку; ценности человека и значения общества; назначения материального мира. Эти проблемы составили материал для богословской и экклезиологической деятельности Соборов, которая велась в аспектах: триадологии, христологии, антропологии, эк-

* Доклад представляет собою сравнительно раннюю точку зрения автора на значение соборов. Некоторые положения требуют дополнительного раскрытия в связи с углублением экуменического размышления. (Прим. автора).

клезиологии и космологии. Значение этой деятельности выясняется даже из самого поверхностного ее рассмотрения.

Триадологический вопрос волновал Церковь в связи с лжеучениями иудейских гностиков, с монархианскими воззрениями Савеллия и Павла Самосатского, с субординационными представлениями о Св. Троице Оригена и Тертуллиана и при распространении рационалистических учений Ария и Македония. Обнаружившееся в этих взглядах стремление ввести недоступную знанию область внутренней жизни Божества в рамки логических категорий приводило или к уничтожению реального содержания евангельских имен Отца, Сына и Духа, или к их неравноценности, доходящей до низведения в системах Ария и Македония Сына и Духа в мир сотворенного не только по действию, но и по существу.

Церковь ответила на распространение ложных учений усиленной деятельностью, имевшей целью дать правильное раскрытие истины о взаимоотношениях между Лицами Святой Троицы, составляющими триипостасное единство.

Деятельность Поместных Соборов в Антиохии, Александрии и Палестине, страдания за истину многих участников противарианского движения, огромные усилия отцов Никейского (325 г.) и Константинопольского (381 г.) Вселенских Соборов привели к той формулировке таинственного учения о Троице, которое содержится во вселенском Символе веры.

В православном учении, изложенном отцами Первого и Второго Вселенских Соборов, не имеет места неприложимое к Божеству понятие времени, отсутствует субординация, свойственная гностическим схемам и наблюдавшаяся у некоторых древних отцов, отрицается принадлежность Сына Божия и Духа Святого к тварному миру. Вера отцов Вселенских Соборов — это вера в Бога, единого по существу и триничного в Лицах, вытекающая из Священного Писания и подтверждаемая Апостольским Преданием (см. замечание Болотова о возможности влияния на Константина Великого Осии Кордубского при внесении в Символ термина «единосущный»). Это вера просвещенных православных диалектиков, предполагающая необходимость эсхатологического вовлечения, и вера многочисленных простых членов Собора, не имевших возможности понять диалектических тонкостей спора высоких сторон, но сердцем ощущавших евангельскую истину и веяние Духа Святого.

В результате соборной деятельности триадологического периода точными чертами определилась Божественная сторона Исккупителя мира, единосущного Отцу Сына Божия, было подведено твердое богословское основание идее спасения. Последующее утверждение Божества Духа Святого имело значение не только для совершенства триадологической схемы, но и для учения о Церкви, в которой Дух Святой является руководителем ко спасению и подателем небесных милостей, принесенных в мир Сыном Божиим.

В учении о Боге в Самом Себе отцы Древней Церкви не переступили границ, очерченных Священным Писанием, но открыли возможность для эсхатологического и экклезиологического следствий, вытекающих из точно сформулированной доктрины. Осуждением еретических течений они не закрыли путь богословствования, а лишь оградили Церковь от учения, способного своими крайностями уничтожить в сознании христиан идею спасения и разрушить истинное представление о Церкви. Возможность размышлений над высочайшей тайной внутренней жизни Божества и над проявлениями Его в мире осталась, как это явствует из догматических трудов позднейших отцов Церкви, особенно из опыта богомыслия Григория Паламы.

Христологический вопрос составил следующую ступень богословствования Поместных и Вселенских Соборов. Он был выдвинут философским отрицанием возможности соприкосновения, соединения или какого-либо даже мысленного сопоставления Бога и тварного мира.

Сын Человеческий Евангелия был Сыном Божиим, истинным Богом, единосущным Отцу, как определили отцы Первого и Второго Вселенских Соборов. Но перед дальнейшей генерацией христиан стоял вопрос: в каком смысле Сын Божий был Сыном Человеческим или каков образ соединения Слова с человеком в Иисусе Христе?

Впрочем, вопрос этот не был совершенно новым, так как он поднимался еще гностиками, находившими в Иисусе Христе или призрачную форму явления в мире высшего духа Эона, или внешнее соприкосновение этого небесного существа с человеком Иисусом.

Инициаторы христологических споров в эпоху Вселенских Соборов Аполлинарий, Несторий и Евтихий с Диоскором решали этот вопрос различно. Они представляли противоположные крайние течения, с которыми Церкви пришлось бороться на протяжении гораздо более значительного времени, чем то, которое заняли арианские споры. Проблема осложнилась активным вмешательством государственной власти. Ряд обстоятельств, в том числе особая политическая обстановка, сложившаяся в раздражаемой внешними врагами и национально-освободительной борьбой Византийской империи, послужили тому, что от Церкви были отторгнуты целые общества христиан, которые и до сего времени имеют самостоятельное и отдельное существование.

Первой ересью было аполлинарианство.

Аполлинарий Лаодикийский допустил возможность органического соединения Божества с человеческой природой Иисуса, лишенной, однако, той духовной ее части, которая именуется разумом. По мысли Аполлинария, место человеческого разума в Иисусе Христе занял Божественный Логос. В своем воззрении Аполлинарий ущемил и принизил человеческую сторону во Христе, и тем самым процесс спасения получил ясно выраженную односторонность.

Учение Аполлинария было отвергнуто Александрийским Собором 362 года, Римским Собором 377 года и окончательно анафематствовано на Втором Вселенском Соборе.

Вторая ересь родилась в недрах антиохийской богословской школы и имела основоположниками Евстафия Антиохийского, Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуэстийского. Несторий, патриарх Константинопольский, придал ей окончательное антицерковное выражение.

Несторий внес исправление в аполлинарианское представление о полноте человеческой природы во Христе. Он, вслед за своими предшественниками, признавал во Христе две полные природы — Божескую и человеческую, однако, в угоду философской концепции, разделил эти природы, допустив лишь благодатное соприкосновение и поставив его в зависимость от степени совершенства человека Иисуса. Внешним образом несторианство выразилось в отказе признавать Деву Марию Богородицей и в наименовании Ее человекородицей или христородицей.

Учение Нестория, низводя Иисуса Христа на положение носителя благодати, подобного Моисею и другим пророкам, снижало значение личности Основателя Церкви. Это было неправославное учение, свидетельствовавшее о недостатке веры и религиозного чувства. Но при этом нужно отдать должное Несторию, заострившему внимание на человеческом элементе в деле спасения. Хотя и неправославными суждениями, Несторий подчеркнул важность антропологической проблемы, которая тогда уже стояла перед Церковью.

Антитезой несторианству явилось монофизитство. Монофизитская доктрина с ее искусственно созданным императором Ираклием монофе-

литским прибавлением низводила до минимума значение человеческой стороны во Христе.

В монофизитстве и монофелитстве первое место отводилось доведенному до крайности благочестию, различающему во Христе лишь всепоглощающее Божеское начало. Монофизитство исповедовало до соединения две природы, после же соединения лишь одну природу — Бога Слова воплощенную. Монофелитство, делая небольшую уступку православию, признавало во Христе и по воплощении две природы, но существо неправославного учения оставалось, так как монофелиты отрицали человеческое произволение в Иисусе Христе и видели в Его действовании лишь всемогущую волю Бога.

Многочисленные Поместные Соборы, а также Третий, Ефесский (430 г.), Четвертый, Халкидонский (451 г.), Пятый Константинопольский (553 г.) и Шестой, Трулльский (680 г.) Вселенские Соборы призваны были решить христологическую проблему. Они нашли правильное выражение преданной от апостолов истины о полноте Божеской и человеческой природ в едином Лице Богочеловека Иисуса, Который гаянственно соединил в Себе Божеское и тварное, был истинным Сыном Божиим и подлинным Сыном Человеческим, имел произволения и действия, свойственные как Богу, так и человеку.

Тем самым, не в ущерб Божественному, было установлено достоинство человеческой природы Господа и с нею достоинство человеческой природы вообще. Последняя оказалась способной вместить в себя Божество и по благодати, и реально, как это неизреченным образом произошло благодаря участию в воплощении Слова Марии Девы, единственной и благословеннейшей из всех дочерей мира, удостоившейся быть Матерью воплотившегося от Нее превечного Бога, Который соделался, таким образом, единосущным нам человеком. Через воззрение о единосущии нам человеческой природы Христа понятен стал путь обожения человека в спасительных актах, совершаемых Церковью, в напряжении его собственной воли при поддержке благодати Духа Святого. И Царство Небесное более реально могло представиться человеческому сознанию, если оно предпосылалось пребыванием в нем Богочеловека Христа с сонмом праведников.

Во время обсуждения вопросов христологии естественно было, таким образом, затронуть проблему антропологии. Но она имела и самостоятельное раскрытие в связи с проходившими на Западе спорами о свободе человека и о действии благодати Божией в деле спасения, т. е. в связи с воззрениями Пелагия и бл. Августина.

Пелагианство и августинианство явились двумя противостоящими друг другу крайностями, имеющими и по настоящее время след в богословии различных христианских конфессий.

Пелагий признавал в человеке абсолютную свободу и возможность спасения без Христа и благодати, по его мнению, составляющих лишь образец и путеводный маяк для нравственной деятельности личности, в которой образ и подобие Божие не были искажены первородным грехом. В доведенном до крайности утверждении достоинства человеческой личности Пелагий встретил симпатии со стороны патриарха Нестория. Впоследствии Пелагий был осужден вместе с Несторием Третьим Вселенским Собором.

Учение Пелагия встретило усиленное противодействие в доктрине блаженного Августина, который отрицал всякую способность омерзвленной, по его мнению, грехопадением души человеческой к добру и дело спасения всецело считал возможным лишь благодати Божией, действующей в рамках безусловного предопределения.

В V веке спор о свободе и благодати был достоянием Поместных Соборов в Африке и Европе, причем на них подверглись осуждению как пелагианство, так и крайности в учении бл. Августина, касающиеся

ся безусловного предопределения, несомненно, искажающие идею спасения и гибельные для Церкви (на Соборах в Арле 475 г. и в Оранже 529 г.).

Православный взгляд на отношение благодати и свободы в деле спасения человека выразил устроитель монашества в Галлии преподобный Иоанн Кассиан. Позднее, в 434 г., Викентий Лиринский в своем «Коммониториуме», выступая против новшеств в учении бл. Августина, писал, что нужно пребывать в здоровой вере и ограждать себя от козней еретиков авторитетом Св. Писания и преданием Вселенской Церкви.

Православным взглядом устанавливается понятие истинной свободы в следовании призывающей и укрепляющей благодати Божией, которая не действует насильственно, а лишь в согласии с доброй волей человека, состоянне души которого, хотя и испорченной грехопадением, дает ему, однако, возможность принимать добрые решения. Вместе с тем православное воззрение полагает, что только с помощью благодати возможно достижение спасения. Иными словами, спасение является результатом как благодати, так и свободной воли человека. В нем два фактора. Человеческая сторона имеет значение так же, как и Божественная. Отсюда ценность антропологических заключений преп. Иоанна Кассиана очевидна.

Вопросы христианской антропологии, поднятые в эпоху Древней Церкви в связи с проблемами христологии и благодати, составили перспективу для дальнейшего богословского обсуждения. В XIV веке ими занимались св. Григорий Палама и другие отцы, выступавшие в полемике с распространенными на Западе схоластическими воззрениями.

Вышеуказанные постановления Соборов имели отношение не только к христологии и антропологии, но и к космологии. Признанием участия в деле спасения человека в его духовно-телесной целостности был положен предел дуалистическим воззрениям на мир. Мышление людей, которому в соответствии с духом Библии следовало искать в материальном мире черты, соответствующие идее восстановления гармонии создания, тем самым было направлено к разрешению проблем, имеющих отношение к вещественным знакам, к символике, к внешней обрядности христианской Церкви, проблем, связанных с взглядами христиан на мир вообще, с религиозным чувством верующих и с представлением о всепроникающей Божественной благодати.

Христианская религия, как религия духа и истины (Ин. 4, 23) в обществе людей, окруженных предметами материального мира, не отвергла, однако, это окружение. Наоборот, мир материальный был привлечен к служению религии, как участник во всеобщем эсхатологическом устремлении.

Священное Писание совершенно точно определяет это положение, во-первых, указанием на то, что присносущная сила и Божество Творца постигается при рассмотрении творения (Рим. 1, 20) и, во-вторых, присоединением вещественных предметов — воды крещения, хлеба и вина предложения — к самому существу христианской религии.

Борьба Церкви с гнозисом, полагавшим в материи злое или инертное начало, имела практическое значение для утверждения взгляда о добром предназначении вещей видимого мира и возможности проникновения их благодатной силой для того, чтобы они могли служить и делу спасения людей и воссозданию гармонии сострадающего людям космоса.

Поклонение апостолов и мироносцу Гробу Господню, почитание Креста и символических изображений священных понятий и духовных образов, благоговейное отношение христиан к останкам мучеников, на гробах которых издревле принято было совершать таинство Евхаристии, исключительное уважение к книгам Священного Писания как к

хранилищам Божественной мудрости, почитание живописных и скульптурных изображений Спасителя, Богородицы, пророков, апостолов, мучеников и праведных людей, составляющих небесную Церковь,— все это свидетельствует о том, что видимому христианскому обществу необходимы видимые знаки, посредствующие в возвышении душ человеческих к миру невидимому, стоящих как бы на границе двух частей Церкви — земной и небесной, способствующих видимым образом направлению христианской любви к изображаемым ими сверхчувственным предметам и тем самым являющихся средством подаяния ответных благодатных милостей.

Но при этом всегда существовала опасность омирщения и оязычения таких видимых знаков, причем тем большая, чем сильнее сказывались косность, невежество, суеверие, связанные как с неразумением, так и с недостатком религиозного воспитания и общего развития членов Церкви.

Именно эта опасность, ставшая реальностью в VIII веке в результате ослабления общего и религиозного образования, породила иконоборчество, явившееся крайней реакцией на распространявшееся тогда суеверие.

Многочисленные Соборы времени иконоборческих споров очистили христианскую доктрину религиозного употребления видимых знаков от налета суеверия. Седьмой, Никейский (787 г.), Вселенский Собор мог констатировать православное учение во всей его полноте. Читая акты этого Собора не может не поразиться глубине и мудрости постановления о священных изображениях и предметах, святых не по существу своему, но в силу их религиозного употребления, достойной почитания и поклонения, но не служения, которое принадлежит только Богу. Это постановление дало ответ и выступлениям против суеверий иконоборцев, и благочестию почитателей священных предметов, сняв опасные для православного учения крайности, искажавшие истинное отношение к вещам материальным, привлекаемым христианской религией для службы Богу.

* * *

Перечисленные богословские аспекты разрабатывались на основе экклезиологической заинтересованности Церкви. Как мы упомянули вначале, экклезиология была фоном и стимулом богословия. Церковь своим существованием создавала условия для уяснения пунктов богооткровенного учения.

Но при этом следует заметить, что в Церкви не было обстановки, исключавшей свободу совести ее членов. В ней отдельные члены могли иметь собственные воззрения по богословским вопросам, и они уважались либо как частные мнения, либо как теологумены. Лишь когда эти взгляды начинали претендовать на абсолютную ценность и разногласия создавали опасность нарушения норм церковной жизни, тогда они выносились на обсуждение Церкви. В этом случае церковные Соборы составляли свои авторитетные определения, становившиеся законами непререкаемой значимости после принятия Церковью. Согласие Церкви с определениями Соборов обеспечивалось тем, что Соборы являлись органами Церкви, выражением ее существенного принципа, основанного на гармонии частей, в духе «примата любви», т. е. осуществляли присущий Церкви «союз любви в единстве веры» (проф.-прот. В. Боровой. «Символ веры и Соборы», «ЖМП», 1956, № 9, с. 60). Самые осуждения еретиков не носили характера проклятия, не препятствовали их свободе. Лишь вмешательство государственной власти создавало те исторические трагедии, которые, к сожалению, сопровождали догматическую и церковную деятельность Соборов. Они не были делом Церк-

ви, но делом людей, не понимавших существа и целей христианского общества, не знавших, какого они духа.

Юридически и на самом деле Вселенские Соборы не зависели в своих решениях ни от государственной власти, ни от авторитета какого-либо всевластного епископа. Уповающие на руководство от Святого Духа, имеющие полномочное представительство и ответственность перед Церковью, Соборы, полагая пример в соборной деятельности апостольской Церкви, явились не только выразителями догматического, нравственного и канонического авторитета, но и на практике осуществили разрешение ряда экклезиологических проблем, которые прямо или косвенно всегда стояли на повестке дня соборных заседаний.

К таковым проблемам относятся: единство Церкви, ее святость, соборность, апостольская значимость.

Единство Церкви, этот бесценный дар Духа Святого, о котором молился Господь в ночь Своих страданий, было реализовано самим фактом деятельности Вселенских Соборов. Отцы, даже разномыслящие в тех вопросах, которые подлежали соборному рассмотрению, понимали, что единство является одним из главных свойств истинной Церкви. Поэтому они безбоязненно излагали свои мысли, ища им сочувствия в других членах, т. е. добиваясь единомыслия. Единство выражалось в том, что поместные Церкви в период между Соборами осуществляли связь друг с другом посланиями, обменом сочинений и личными контактами епископов, всегда испытывая друг друга в вере и назидая друг друга в любви. Единение в истине, в общении Духа Святого и в любви составляло главное в деятельности Вселенских Соборов.

Вся богословская деятельность Поместных и Вселенских Соборов была направлена к установлению единства в вере. Результатом соборных решений было испытание совести членов Церкви, когда единомысленные с нею приглашались к общению в таинствах, а упорно отстаивающие свои заблуждения подвергались отлучению. Братская любовь была господствующей атмосферой соборной деятельности. Такие нарушения этого правила, как действия Диоскора на Ефесском соборе 449 года, принесшие этому собору наименование «разбойничьего», составили не часто повторявшийся диссонанс в жизни единой Церкви. Соблюдение трех сторон церковного единства: единого вероучения, единых таинств и заповедей любви при непрерывной структуре и апостольском преемстве в деятельности Соборов проявилось видимым образом. В этом их первое экклезиологическое значение.

Отцы Вселенских Соборов, почитавшие соборные определения выражением воли Святого Духа и голосом Церкви, засвидетельствовали и другую экклезиологическую истину — святость Церкви.

Взятая в целом, Церковь является святой и непорочной. Ей принадлежит непогрешимость, практически выражающаяся в вере изыскующих истину Вселенских Соборов. Однако святость Церкви не исключает наличия в ней слабых, недостойных, грешных членов. Таковыми могут быть как частные лица, так и целые поместные Церкви. Указанным обстоятельством объясняется то, что в Церкви наблюдались разногласия, возникали ереси и осуществлялся суд Вселенской Церкви над отдельными ее членами и над поместными Церквами, имевшими неправильные воззрения или уклонявшимися от общепринятого порядка церковной жизни.

Борьба с гностическими течениями, с расколом монтанистов и практикой Павла Самосатского, волнения в связи с расколами Новата и Новатиана в Риме и Карфагене и особенно донатистское движение в Африке составили материал для деятельности Малоазийских, Карфагенских и Римских Соборов, уяснявших истинные внутрицерковные отношения, решавших проблему греха в Церкви и тем самым раскрывавших понятие «святости» церковного общества, отнюдь не означающее,

что Церковь должна состоять из одних праведников, но приложимое к Церкви вообще, в состав которой входит и Церковь небесная, торжествующая, и Церковь земная, странствующая и борющаяся.

Всякое размышление о Древней Церкви, как основную драгоценность, должно обнаружить ее соборность¹. Соборное устройство, так же, как ее единство и святость, составляет существенный признак Церкви. Эту истину подтверждают многочисленные факты: установление принципа соборности Христом в словах «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20); поддержка соборности апостолами; соборность как естественное выражение жизни Церкви, бытия ее общества в целом и конгрегаций на местах, что аргументируется практикой апостольского века и всего последующего времени, в том числе Соборами разделенной Церкви: католическими с их претензией называться вселенскими, подчеркнута поместными православными, съездами и конференциями протестантских общин, наконец, экуменическим движением, в котором дух соборности все более настаивает на восстановлении своего истинного значения в едином теле воссоединенной Церкви. Соборность или вселенскость состоит в том, во-первых, что Церковь не ограничивается какой-либо областью или страной на земле и не принадлежит определенному народу, но свободно распространяется по всей вселенной и, во-вторых, что она непрерывна, т. е. не может разрушиться или исчезнуть, но пребывает до скончания века.

Непрерывность Церкви и проникновение ее Духом Святым составляют предпосылки к учению о невозможности отпадения Церкви от истинной веры. Последнее предусматривается апостольским преемством и апостольской практикой решения дел на Соборах, отражающих как действие Святого Духа, так и общее согласие Церкви.

Тема соборности в Древней Церкви имела свой собственный комментарий в спорах между Римской Церковью и Церквами Карфагена и Малой Азии, касавшихся крещения еретиков и времени празднования Пасхи. Во время этих споров наблюдалась тенденция противопоставить частную Церковь Церкви Вселенской, что нарушает дух соборности. Тема соборности делалась все более актуальной по мере усиления римской тенденции. В конце концов нарушение этой стороны жизни Церкви привело к разрыву между западной и восточной частями Церкви, т. е. нанесло существенный вред церковному единству.

Ключом к решению экклезиологической проблемы соборности в Древней Церкви являлись и сами Соборы, и исповедуемая ими истина, и забота об эсхатологической задаче Церкви, и состав членов Соборов, каковыми были воспринявшие от апостолов власть решить и вязать представители всех частей Церкви, и мудрое разрешение споров между поместными Церквами, и противодействие проявлениям господства со стороны отдельных епископов и предстоятелей Церквей. Вся многосторонняя деятельность Вселенских и Поместных Соборов предполагала утверждение этого важного экклезиологического принципа церковной жизни.

Говоря о древнецерковных Соборах, мы должны иметь в виду, таким образом, всю соборную деятельность Церкви и прежде всего соборания первых христиан в век апостольский. Это следует делать потому, что невозможно без нарушения самого существа жизни во Христе отрывать Церковь периода Вселенских и Поместных Соборов от апостольской Церкви, как и Церковь нашего времени трактовать как нечто особое и несравнимое с Церковью апостолов. Отцы Древней Церкви называли общество, к которому принадлежали, апостольской Церковью. Христиане нашего времени, свято чтущие Никео-Цареградский

¹ В этом месте следовало бы говорить о кафоличности Церкви. Соборность нужно рассматривать не как эквивалент, а как часть кафоличности. (Прим. автора).

символ веры, также причисляют себя к Церкви апостольской. Вера и жизнь апостольской Церкви является идеалом в поисках современным христианством единства, и это вполне справедливо. Церковь апостолов не иная, понятие соборности, чаяние спасения и метод богословия апостолов не иные, но те же самые, какие содержит Церковь Христова на протяжении всего ее существования.

Когда отцы послеапостольского периода предваряли соборные решения формулой «изволися Духу Святому и нам», они имели уверенность в том, что Дух Святой споспешествует им так же, как споспешествовал участникам, например, Апостольского Собора 51 года. В самих постановлениях отцы Соборов были подобны первым христианам, которые во главе с апостолами предпринимали настолько решительные шаги, что один из современных экуменических богословов позволил себе назвать их «революционными». Подобно апостолам отцы Вселенских и Поместных Соборов действовали не из побуждений чисто теоретического, отвлеченного интереса, но имели в виду конкретную обстановку своего времени и нужды Церкви, всегда стремящейся ко спасению своих чад и к эсхатологическому завершению дела Христова. И если церковная история и традиция не ставили собрания первых христиан в один ряд с Соборами послеапостольского времени, то это объясняется особой обстановкой жизни апостольской Церкви и тем благоговением, которое питали христиане во всякое время к свидетелям и служителям Господа. Сакраментально же и фактически ряд Соборов Церкви начинается собраниями апостолов, пресвитеров и братии, о которых мы читаем в книге Деяний святых апостолов, и прежде всего собранием в день Пятидесятницы, когда все верующие во Христе «были единодушно вместе» (Деян. 2, 1) и получили дар Святого Духа. Это обстоятельство послужило основанием тому общеизвестному факту, что отцы Соборов послеапостольского периода в деятельности Собора 51 г. и других отмеченных Священным Писанием собраний первых христиан полагали пример, которому неуклонно следовали в своей вере, а также в содержании и методе соборной работы.

Древняя Церковь засвидетельствовала крепкие и неразрывные связи с Церковью апостолов. Определив себя в Никео-Цареградском символе веры «единой, святой, соборной и апостольской», Древняя Церковь закрепила эту связь постоянным сознанием единства с апостолами в вере и в руководстве Духом Святым. Формулируя постановления, касающиеся вероучения, Соборы Древней Церкви всегда апеллировали к апостольскому преданию. Ощущение апостольского преемства и апостольской миссии всегда было присуще Церкви и даже выраженное в крайней форме цезарепализма оно представляло свидетельство большой силы к этой части экклесиологической проблемы.

Для Соборов Древней Церкви первохристианские собрания с участием в них апостолов являлись действенным образцом, своеобразным эталоном, мерилom мудрости, свободы сыновства и силы в сознании руководства Духом Святым.

Древняя Церковь, составившая преемством веры и епископских рукоположений продолжение апостольской, представляя на Соборах, придавала им апостольскую значимость. Как и апостольские Соборы, Соборы Древней Церкви стояли на позициях богооткровенной истины, при решениях вопросов имели в виду конечную цель Церкви и задачи ее в той обстановке, которая была реальной для времени соборных рассуждений. Отцы Соборов были столь же решительны в своих определениях и так же исполнены доверия к руководству и вдохновению Духа Святого, как и апостолы. Церковь Вселенских и Поместных Соборов была поистине апостольской Церковью, хотя и без участия апостолов, но в их духе и силе.

Раскрытие свойств истинной Церкви составляет теоретическую сторону соборной деятельности. Не менее важна ее церковно-практическая сторона, выразившаяся в составлении церковных канонов.

Поместные и Вселенские Соборы характеризуются своей канонической деятельностью, которая являлась гарантией существования церковного общества в мире, естественной реакцией Церкви на его влияние, средством ограждения верующих от морального зла, выражением устремления к справедливости и истинной свободе, призывом к строгому порядку жизни в обществе. Каноническая деятельность имела несомненное экклезиологическое значение.

Но если догматическая область соборной деятельности требовала применения понятия непогрешимости, то в сфере канонической действовал принцип «икономии», имеющий в виду изменчивость условий и непостоянство факторов, определяющих внешние и внутренние отношения членов Церкви. Вследствие этого в истории Церкви наблюдались случаи неприменения тех или иных канонов, хотя в целом каноническое устройство церковной жизни в эпоху Древней Церкви было таким, какое установили Вселенские Соборы, в задачу которых входило, помимо составления самостоятельных канонических определений, обсуждение канонической деятельности Поместных Соборов и апробация имевшихся в распоряжении Церкви канонических сборников.

Ряд церковных постановлений Поместных и Вселенских Соборов имеет специальное назначение для определения порядка, касающегося бытия поместных Церквей и их взаимоотношений, для установления прав, обязанностей и норм нравственного поведения членов клира: епископов, пресвитеров, диаконов, хорепископов, диаконисс и т. д. Они рисуют нам быт и каноническое устройство Древней Церкви, являясь тем самым свидетельством исторической и экклезиологической ценности.

* * *

Для более полной характеристики соборной деятельности Древней Церкви необходимо упомянуть еще три общих момента, имеющих существенное значение. Два момента составляют движущие силы соборной деятельности; третий касается метода соборной работы.

Движущими силами соборной деятельности являются благодать Духа Святого и общество христиан.

Благодать Духа Святого составляет сакраментальную сторону соборной деятельности. Она призвана к сохранению истины и к жизнеподательному вдохновению соборных отцов в следовании по путям божественного Промысла. Благодатью свобода Церкви приводится в соответствие с Промыслом Божиим, причем благодать долготерпит и милосердствует, ожидая доброго отклика душ человеческих. Поэтому для ее действия требуется время, имеющее таким образом значение самостоятельного фактора соборной деятельности. В связи с действием благодати Божией стоит догматическая проблема богодухновенности Соборов, которую великий историк и богослов профессор С.-Петербургской духовной академии В. В. Болотов понимал как вдохновение в солидарности решений, являющееся только в решительный момент (Лекции по Истории Древней Церкви. Т. IV, Петроград, 1918, с. 27—28).

Общество христиан, составленное из тех, ради кого произошло воплощение Сына Божия и к кому направлено спасение, является всегда частью всего человечества с присущими ему заботами, интересами и устремлениями. Древнехристианское общество несло в себе наследие античной древности, с которым соединялись новые христианские традиции. Свобода во Христе была его уделом, но христианское общество не могло не испытывать влияний со стороны, например, философских течений или окружавшего его социального и политического порядка.

Живущее в изменяющейся политической и культурной ситуации общество христиан должно было иметь свою реакцию на влияния и на изменения общечеловеческих отношений, что естественно отражалось в деятельности Соборов и прежде всего в ликвидации дурных влияний крайних воззрений, неправильных позиций и излишне подчеркнутых утверждений.

Метод соборной работы подсказывался соотношением действующих на Соборах сил.

Свойственная людям способность впадения в крайности составляла проблему для православного сознания Церкви на протяжении всей соборной деятельности древнего периода. Исторически известные ереси и расколы явились плодом таких экклесиологических и богословских крайностей. В борьбе с ними, руководствуясь живым содействием Духа Святого, Церковь могла употреблять как авторитет апостольской традиции, т. е. Священное Предание, так и аргументы, относящиеся к эсхатологической перспективе. Крайности, как правило, противоречили Преданию и приводили к абсурду идею спасения. Иногда они возникали в связи с полемикой, направленной против лжеучений. Но в последних крайние, излишне подчеркнутые утверждения сопровождались упорством и горделивым самомнением, имеющим задним своим планом эгоистический расчет. Крайние ошибочные воззрения получили соборное осуждение отцов Древней Церкви, поступавших в данном случае в соответствии со словом Господа (Мф. 18, 17—18). В противовес отступающим от истины отцы Соборов должны были составлять точные догматические формулировки изначала принадлежащего Церкви доктринального учения, а также канонические правила, ограждающие структуру и порядок жизни христианского общества в изменяющихся условиях бытия мира. Это и составляло в основном содержание соборной деятельности Древней Церкви.

В заключение следует сказать лишь несколько слов.

На примере соборной деятельности Древней Церкви можно убедиться, насколько постепенно произрастало семя Церкви Христовой, брошенное Господом на добрую почву избранного Им общества уверовавших в Него. Можно видеть, как заботливо прежде апостолы, а затем отцы Церкви лелеяли этот росток, предпринимая решительные меры для его защиты. Можно воочию убедиться в силе Духа Святого, подающего Церкви жизненные силы, не исключающие и не подавляющие деятельности людей, но гармонично с нею сочетающиеся для уврачевания немощи, восполнения недостатка, просветления сознания, многократного усиления способностей и сил душ человеческих. Можно, наконец, различить, как добавлялись новые листья растения, этого нового древа жизни, единой, святой, соборной и апостольской Церкви, древа питаемого от благодатного источника Солнца Правды, от росы веры, воздуха благочестия и почвы отношений между людьми в мире сем, ради спасения которого произошли события Нового Завета.